

8 Слесарева, Т. П. Коррелятивная связь семантики имен по данным их сочетаемости с глаголами в романе В. Короткевича “Каласы пад сярпом тваім” / Т. П. Слесарева // Беларускае слова: тэорыя і практыка: зб. арт. па матэрыялах навук. чытанняў, прысвеч. 75-годдзю прафесара Б. А. Плотнікава, г. Мінск, 15 снеж. 2015 г. / рэдкал.: М. І. Свістунова (адк. рэд.) [і інш.]; пад агул. рэд. праф. М. Р. Прыгодзіча. – Мінск: РІВШ, 2016. – С. 98–103.

9 Усціновіч, А. К. Слоўнік асабовых уласных імён / А. К. Усціновіч; навук. рэд. А. А. Лукашанец. – Мінск: Літаратура і Мастацтва, 2011. – 240 с.

10 Шур, В. Беларускія ўласныя іменны: Беларуская антрапаніміка і тапаніміка: дапам. для настаўнікаў / В. Шур // – Мінск: Мастацкая літаратура, 1998. – 237 с.

11 Шур, В. В. Онім у мастацкім тэксе / В. В. Шур. – Мінск: Бел. кнігазбор, 2006. – 216 с.

12 Шур, В. В. Тыповыя беларускія прозвішчы з фармантамі –овіч/-евіч ва ўсходнеславянскай антрапаніміі: лінгвістычны і культуралагічны аспекты / В. В. Шур // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна: навуковы часопіс. – 2017. – № 1. – С. 162–166.

13 Юрэвіч, У. Слова жывое, роднае, гаваркое..: навук.-папул. кн.; для сярэдн. і ст. шк. узросту / У. Юрэвіч. – Мінск: Юнацтва, 1992. – 271 с.

14 ТСБМ – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5-ці т. / пад агул. рэд. К. К. Атраховіча. – Мінск: БелСЭ, 1977–1984. – Т. 1–5.

УДК 811.161'373.2-112

В. В. Денисюк

ФРАЗЕОЛОГИЯ БУНТА

(на матэрыяле восточнославянскай историографіі XVII–XVIII веков)

В статье исследована фразеология восточнославянских летописей XVII–XVIII вв., в частности та, которую летописцы привлекали для описания бунта. Анализ свидетельствует, что авторы использовали фразеологизмы разных тематических групп, многие из которых эмоционально окрашенные, образуют градационные ряды.

Наверное, сколько существует человечество, столько и существуют разногласия между людьми. Многовековые наблюдения за противоречиями восточные славяне, как и много других народов, воплотили в небольшую, но емкую реминисценцию – всем угодить невозможно. И если еще на бытовом уровне хоть как-то можно сгладить неровности в отношениях между мужем и женой, соседями, поколениями, то вовлечение в такое негодование даже одного слоя общества может иметь существенные последствия, к тому же не всегда положительные. Во все века высшие лица племени / княжества / державы / государства боялись гнева народного, соответственно, на крайние социальные меры шли очень редко. Но закономерности исторического развития общества вынуждали вече / думу / раду / совет принимать решения, с которыми большинство населения не было согласено. Как свидетельствует история, прислушаться к голосу народа правительство не спешило, поэтому единственным выходом из сложившейся ситуации оставалось вооруженное восстание. Все они имели печальные последствия, не исключение и октябрьский переворот 1917 года, когда хорошие идеи так и не удалось воплотить в жизнь из-за мало- или вообще необразованности, непрофессионализма новой власти. Началось не строительство нового государства, а всеобщая месть, где ослепленные властью чиновники никого не хотели слушать и слышать. В истории восточных славян это единственное восстание, охватившее всю империю и задержавшееся настолько.

Но история знает и много восстаний меньшего диапазона. Выступая против чего-то, люди прежде всего выступают за что-то. Этот дуализм ситуации породил тактику манипулирования людьми, что сейчас очень хорошо демонстрируют выборы, начиная от местных советов и заканчивая главой государства. Историографии, становление которых приходится на вторую половину XVII–XVIII в., эмоционально и критически подходили к вопросу

о подаче информации про восстание. Тотальной цензуры тогда не было. Включение или не-включение информации о восстании зависело только от летописца. Здесь примечательной есть такая особенность: региональные летописи не изобилуют данными о мятежах, даже больших по охвату территории и количеству участников, если только это восстание не «их». Можно наблюдать и факты полного дублирования информации с одной летописи в другую, что свидетельствует скорее о попытках предоставить читателю по возможности полную историю края / страны, чем о критической трактовке происшедшего. Предоставляя на суд читателя данные о том или другом восстании, летописец / историограф задействовал весь арсенал языка. Особенно это касается фразеологии, которая, вторичная по своей сути, была удачным эвфемистическим средством для репрезентации такого концепта, как «смерть». Нашли здесь отражение и военные действия, вера и религия, общественно-политическая деятельность главы государства и др.

Исследуемые летописи свидетельствуют о широкой фразеологической палитре восточнославянских языков в XVII–XVIII вв. Восстания происходили вследствие разных причин, каждая из которых ничего хорошего не предвещала. Например, Хроника Литовская и Жмойтская свидетельствует, что мятеж начинается с негодования князя Михаила Глинского действиями короля (*ишло не по мысли*), следствием чего стало подстрекательство войска для достижения своей цели (*удался ростиркови шкодливому*): *Михаил Глинский скоро по от[ъ]гзди короля Жигимонта з Литвы до Кракова, въдаючи, же ему ишло не по мысли его у кроля, удался ростиркови шкодливому, а напервгый збунтовавши старых жолнѣров и помочников своих в семисот ездных избранных, преправился през Немен з Лыскова и просто до Гродна в[ъ]гхал, маючи през шпиги въдомость, же там Ян Забережанский, маршалок великий литовский, его головный неприятель в той час в дворѣ своем в Гроднѣ мешкал* [4, с. 102]. Примечательно, что летописец использует фразеологизмы для описания разных этапов восстания, особенностей поведения его участников: **страх**: *А гды учул Глинский, же кроль тягнет з великою потугою, упало ему зараз оное гордое его сердце* [4, с. 103]; **смелость, отвага**: *Видячи то кроль, же Глинский пред ним утѣкает, зараз на коню в зброю з весолою поставою през Днѣпр переправился и тым рицerstву своему сердца доброго придал, бо за кролем отвсюль, що живо кричаши, гучаши, охотне, як на веселе, пѣшие и конные в брод тягнули* [4, с. 103]; *А Глинский остатнего щастя своего и звитязства в той битвѣ усиловал скоштовати* [4, с. 103]; **хитрость, обман**: *Але он Глинского кормил надѣєю порожнею* [4, с. 104].

В «Супрасльской летописи» начало восстания описано так: *Сотворися зло велико в Литвѣ, убиень бысть князь велики Жигимонтъ в Литви во граде Троцах во вербную неделю перед обедомъ, и бысть метежъ великъ в Литовьскои земли* [3, с. 61]. Устойчивое сочетание слов *сотворися зло* с факультативным компонентом – кратким прилагательным *велико* передает эмоции автора и всех жителей Литвы, степень горя и последствий.

Борьба за престол в Белокаменной издавна сопровождалась придворными интригами, заговорами, результатом которых должна была быть смена царя. Такие микробунты имели в своем репертуаре заточение царя в темную или ссылку его со всей семьей подальше от центра. Естественно, что лучшим исходом для претендента была смерть визави. Разумеется, что народ ставили перед фактом. Именно поэтому во многих контекстах прочитывается истинное сожаление людей о кончине своего государя. Летописцы так описывают смерть князя / царя: *Месяца декабря в 11 день, в четверг, после великого князя Васильевы смерти в осмы день поймали бояре великого князя Васильева брата князя Юрья Ивановича дмитровского на Москве и бояр его и диаков. И посадили князя Юрья в Набережную полату. И там и преставися, на мертвом и железа обтерли* [2, с. 24]; *Того же лета августа в 5 день князя Михаила Глинского велел князь великий и великая княгини поимати. И посадили его в камену полату за дворцом. И там и преставися, на мертвом и железа обтерли* [2, с. 25]; *Того же лета и преставися князь Ондрей Иванович, на мертвом и железа отерли* [2, с. 26]. Устойчивое словосочетание свидетельствует, что князь / царь умер в заточении, а следы от железных оков смыли уже с мертвого.

Детально описан Коломенский бунт. Летописец сосредоточился на причинах мятежа, участниках, развертывании событий, наказании виновных, где семантику «смерть через отсечение головы» выражает известный с киеворусского периода фразеологизм *мечю предати*: *И се внезапно приидоша московския вооруженныя стрелецкия полки и обыдоша мятежников кругом, и повелием царевым всех мечю предаша* [1, с. 183]. Значительное внимание уделяет историограф и событиям, происходившим на территориях, только что присоединенных к Московскому государству. Негативную оценку получила борьба Ивана Брюховецкого за гетманство. Автор использует единицы фразеосемантических полей «неповиновение» и «отречение от присяги», напр.: ... *враг изменник и крестопреступник черкасских киевских полков гетман Ивашко Мартынов сын Брюховецкой со единомысленики своими черкасы же, будучи в черкаском граде Глухове, возмутишася и учали быти в шатости*. <...> *И той гетман Ивашко и со единомышленники своими, забыв страх божий и крестное целование и царскую к себе премногую милость ... изменили* [1, с. 184].

Но не все так гладко и в российском войске. Историограф описывает, что неправомерное использование служебного положения с целью экономической выгоды также есть причина мятежа, напр.: *А иже из них котории и крест целовали, они же, мятежницы, и тех возмутиша, прецаше им смертью, емлюще их на съезжие избы и затворяюще в темницы. Они же, видя суровство их, глаголя, яко ныне уже прииде время то друг на друга востати, и страха их ради наки смутишася и кресное целование преступиша, забыв страх божий* [1, с. 191]. Солдаты мирным путем пытаются решить ситуацию, они *бьют челом* царю о помощи, напр.: *А били челом великому государю они, выборные стрелцы и салдаты, чтобы великий государь указал на них, полковниках, те начотные денги доправить* [1, с. 191]; *И стрелцы, видя их, великих государей, с плачем от радости великой поклонишася до земли и знамена и копия поклонили. И то им, стрелцом, говорили: о чем они били челом в обидах своих на полковников* [1, с. 193], а когда это не помогает, идут колонной на столицу, наводя ужас на местное население, напр.: *И услышавшие караулныя стрелцы, иже в Кремле, начаша такожде бити в набаты, еще стрелцом и не пришедшим в Кремль, весь народ восколебася, киждо побеге восвояси* [1, с. 192]. И сразу же автор меняет оценку с позитивной на негативную: доблестные воины становятся мятежниками, клятвопреступниками, напр.: *Не убояшася окаяннии страха божия, крестное целование преступиша и ни во что вмениша* [1, с. 193]. Мятежники грабили людей постоянно: ... *и никому проходу не бысть ни днем, ни нощью* [1, с. 195]. Неконтролируемая толпа сметала все на своем пути. Особенно страдали представители высших сословий, о чем в контексте свидетельствует пословица: *Из них же некто по ненависти вражию возопи вслед, яко боярин глаголет: «Щуку убиша, а зубы оставшася», хочет сына своего смерть отмстити им* [1, с. 195]. Говорит летописец и о «хороших» моментах, когда восставшие понимают, что сами становятся социально опасным криминальным элементом, идут на компромисс с властью: *Потом же, егда творец наш и содержаий всяческая господь отврати от нас праведный свой гнев, укроти, яко в мори волнения, всенародный мятеж, начаша людие от ярости обратятся в кротость* [1, с. 198]; *И от того дне начаша стрелцы добрый совет творити, дабы им тем советом многия свои вины покрыти и себе впредь от великих государей наипаче надеждную милость получитьи* [1, с. 199].

Много внимания автор уделил и восстанию под предводительством Степана Разина. Подробно описывая происходящее в Астрахани, летописец использовал фразеологизмы с семантикой «смерть», напр.: *Он же, враг, и со всеми единомышленники своими внидоша во врата града обманом и начаша астраханских стрелцов и градских жителей, всяких чинов людей, под меч клонити, и побиша всех, государственный град Астарахань взяли* [1, с. 185]; ... *и тако мученический венец приемый, блаженную свою душу предаде в руце богу* [1, с. 185].

Летописец анализирует причины такого негативного социального явления, как мятеж. По его мнению, все это проделки дьявола, который вселяется в обычных людей и в их облиции подстрекает к неповиновению, напр.: ... *того злаго ненавистника научением пострекаеми быша человецы ненавистницы и лукавства исполнены на всякое злое дело хождаху посреде*

народа, пронырством лукавого диявола *испускающе и плетуще глаголы прелестныя, всевая в сердца* человеком, како бы *всеяти ненависть* друг на друга и *междоусобство сотворити* и всенародный *мятеж воздвигнути* [1, с. 188]. Иногда автор лаконично, но емко с помощью фразеологизма описывает начало бунта: *Того же числа ярославец посацкой человек Ивашико Бизяев сказал за собою государево слово* [1, с. 202].

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о том, что авторы использовали широкий арсенал фразеологизмов для вербальной репрезентации всех сторон бунта, в большинстве случаев с помощью фразеологизмов дают этому явлению эмоционально-экспрессивную оценку.

Список использованных источников

- 1 Летописец 1619–1691 гг. // Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1968. – Т. XXXI. – С. 180–205.
- 2 Постниковский летописец // Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1978. – Т. XXXIV. – С. 8–30.
- 3 Супрасльская летопись // Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1975. – Т. XXXV: Летописи белорусско-литовские. – С. 36–67.
- 4 Хроника Литовская и Жмойтская // Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1975. – Т. XXXII. – С. 15–127.

УДК 811.161.1'373:398.9

И. Г. Евтухова

ФРАЗЕОЛОГИЗМ *ПРОХОДИТЬ КРАСНОЙ НИТЬЮ*: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье рассматривается история возникновения фразеологизма проходить красной нитью. Фразема анализируется с точки зрения современности и в этнокультурном аспекте.

Фразеологизм *проходить красной нитью* ‘являться основным, главным, ведущим в чём-либо, насквозь пронизывать что-либо’ (ФСРЯ, 367) встречается не только в русском, но и в других родственных языках: бел. *чырвонай ніткай праходзіць, праходзіць (прайсці), пралягаць* (ФСБМ II, 89); укр. *проходити червоною ниткою* (ФСУМ II, 252); болг. *минава като червена нишка* (ФБ I, 586).

Этимологизация рассматриваемой фраземы обычно заключается в указании на ее связь с существовавшей в Англии традицией, упоминаемой в книге Н. С. Ашукина, М. Г. Ашукиной «Крылатые слова»: «Все снасти королевского флота... сучатся так, чтобы через них во всю длину проходила красная нить, которую нельзя выдернуть иначе, как распустив всё остальное» [1, с. 177]. В «Словаре русской фразеологии» отмечается, что выражение *красной нитью проходить* (*тянуться*) «восходит к роману И. В. Гёте «Родственные натуры». В романе симпатии героини, пронизывающие весь ее дневник, сравниваются с *красной нитью*, которая вплеталась в канаты английского флота» (СРФ, 404). Таким образом, в основу семантики рассматриваемого фразеологизма кладётся представление о конкретной производственной традиции – использовании *красной нити* как важного, существенного элемента каната. Вместе с тем, характер внутренней формы фраземы *проходить красной нитью* представляется более сложным с учетом ее анализа в этнокультурном аспекте.

Рассмотрим возможность соотнесения словосочетания *красная нить* с реалиями, обозначаемыми его компонентами – *нить* и *красный*. В системе народных представлений витье (а следовательно, и нить) относится к двум важным моментам человеческой жизни – браку и